

НАША СТРАНА

Год издания — 38-ой. Буэнос-Айрес, суббота 25 января 1986

"NUESTRO PAIS"

Buenos Aires, sábado 25 de enero de 1986. No. 1852

НЕО-ИНКВИЗИЦИЯ

Ниже публикуется полный текст "Третьего заявления для печати" В. Д. Соколова-Самарина. Это "заявление" является не только потрясающим человеческим документом, но и важным историческим свидетельством о современной нео-инквизиции. (Ред.)

1.

В городе Ватерберри, что в штате Коннектикут, в здании Федерального суда, состоялся суд по моему "делу", продолжавшийся одиннадцать дней — с 7 по 25 ноября включительно.

Суду предшествовали долгие четыре года, в течение которых шла предсудебная тяжба между моими адвокатами (их два: адвокат и помощник) и обвинителями, когда меня вызывали на предварительные допросы, выматывающие нервы.

Обвинительный акт, врученный мне 27 января 1982 года, содержал 25 страниц. Суть обвинения (укладывалась в двадцати строках) сводилась к тому, что во время Второй Мировой войны я был заместителем редактора русской антикоммунистической газеты "Речь", выходившей в Орле, что писал против евреев и союзников Сталина — правительстве тогдашних Америки и Англии и что скрыл что-то из своего прошлого, хотя я ничего не скрывал перед получением гражданства.

В своем Первом заявлении для печати "Об одной акции КГБ", написанном в марте 1982 года и опубликованном в русской зарубежной печати, я рассказал о событиях, предшествовавших вручению обвинительного акта.

В этом, Третьем заявлении для печати (было опубликовано и Второе заявление для печати в июле 1983 года) я хотел бы коротко напомнить нашей эмиграции о тех событиях.

В течение ряда лет КГБ вел против меня кампанию травли в советской печати. Ряд статей был в центральной печати ("Комсомольская правда", "Наше время" и др.), в которых вместе с именами других эмигрантов-антикоммунистов поносились и мое имя.

В 1974 году в № 10 журнала "Наше время", издаваемом в Москве на нескольких языках, в статье А. Андропова "Оборотни" 30 строк были посвящены моей скромной особе.

Я в долгу не оставался. С 1956 по 1975 год я написал и опубликовал в нашей зарубежной печати десять статей, направленных непосредственно против КГБ, в защиту русской эмиграции.

С особой силой кампания против меня в советской печати вспыхнула в начале 1976 года. В феврале того года в "Комсомольской правде" была опубликована статья Юзефа Эрлиха, в которой этот самый Эрлих обвинял меня в антисемитизме, а также в том, что я был заместителем редактора газеты "Речь", выходившей в Орле в 1942-43 годах.

В апрельском номере за 1976 год журнала "Советские геймланд" (издается в Москве на идиш) появилась пространная статья Аркадия

Сахнина (заместитель редактора журнала Арона Вергелиса), направленная целиком против меня. Статья эта уже на русском языке была выпущена советским агентством печати "Новости" (АПН), которое специализируется на дезинформации. На основании публикации в журнале "Советские геймланд" (распространяется главным образом за границей) прокоммунистическая ньюйоркская газета "Джуиш дейли морнинг фрайхайд", выходящая на идиш (по воскресеньям на английском), начала против меня бешеную кампанию травли. В газете была не одна статья, направленная против меня.

На основании публикаций в "Джуиш дейли морнинг фрайхайд" начата была кампания против меня тремя профессорами Славянского отдела Йельского университета, где я 17 лет преподавал русский язык и литературу. Кампания носила такой характер, что я вынужден был подать в отставку. В 1977 году, за год до пенсионного срока, я ушел в отставку на урезанную пенсию.

Между тем, травля продолжалась. В конце 1976 года выступила "тяжелая артиллерия": в ноябрьском номере журнала "Джуиш керрентс" (Нью Йорк) появилась статья с фантастической моей биографией, занимавшая 15 страниц и направленная исключительно против меня. Появились статьи (еще раньше) в университетской газете и в ряде газет, выходящих в Новой Англии. Я, между тем, получил немало писем от бывших моих студентов — с поддержкой, с теплыми словами.

Травля в печати сопровождалась угрозами по телефону "немедленно покинуть эту страну". Перед моим домом появились автомобили с неизвестными личностями, выкрикивающие угрозы по моему адресу и по адресу моей жены. Неизвестные личности взломали замок входной двери, но в дом не проникли. Пришлось обратиться в полицию. В течение длительного времени дом наш был под дружественным наблюдением полицейских патрульных машин.

В 1977 году мы с женой переехали из Нью Хейвена в Милфорд. В 1978 году стало известно о создании Отдела спецрасследований Министерства юстиции США. В 1979 году я уже знал, что ведется расследование моего "дела". В 1980 году в Йельский университет приехала "спецкоманда" Отдела спецрасследований, опрашивала профессоров Славянского отдела. В начале 1981 года (точнее: 6 марта) меня самого вызвали на допрос чины все того же Отдела спецрасследований. Допрос длился больше трех часов. В ходе допроса предъявлялись "материалы", о которых я сказал: "Все это вы получили из Москвы, из КГБ!" Реак-

ции не последовало.

Началась пытка ожиданием.

В январе 1982 года мне был вручен обвинительный акт. В тот же день дом наш был осажден журналистами. Двери я им не открывал, разговаривать наотрез отказался. Появлялись и не журналисты. Вели, очевидно, наблюдение. Второго февраля утром весь наш квартал был блокирован восьмью полицейскими машинами. Примчалась машина со специальным контейнером, в котором увозят взрывные устройства... В газете "Нью Хейвен реджистер" за 4 февраля появилось сообщение, в котором было сказано, что в моем автомобиле (закрытая с вечера дверь гаража утром 2 февраля оказалась открытой) найден какой-то пакет и увезен спецкомандой по обезвреживанию взрывных устройств, но в пакете будто бы ничего не обнаружилось.

Начались дни и недели поисков адвоката, начались встречи с адвокатами, началась предсудебная страда, длившаяся почти четыре года.

Жизнь под прессом, жизнь в ожидании — не легкая жизнь.

2.

Было ясно: с меня начинается новая кампания против тех, кто в публикации Отдела спецрасследований чернят, как пропагандисты, "пособники нацистов".

Было ясно: подготавливается показательный процесс.

Как выяснилось в марте 1982 года, показательный процесс против русских антикоммунистов был проведен в Америке еще в 1937 году... Как раз в то время, когда шли один за другим показательные процессы в Москве, посылавшие на смерть десятки, сотни людей. Странное совпадение!

О показательном процессе, проведенном в Америке в 1937 году, русская эмиграция узнала из статьи публициста Петра Балакшина "Дело генерала Богомольца", опубликованной в газете "Русская жизнь" за 19 марта 1982 года.

Вот вкратце трагическая история преследования генерала Белой армии, героя Гражданской войны. В 1937 году генерал Богомолец, приехавший в Америку с женой и дочерью в 1923 году, ставший американским гражданином, получил из Министерства юстиции обвинительный акт на предмет лишения гражданства и последующей депортации.

Генералу Богомольцу было предъявлено два обвинения:

1. Обвинение в аморальном поведении, недостойном чести американского гражданина.

2. Обвинение в "бандитизме белых отрядов".

Как возникло первое обвинение?

Во время Гражданской войны погибла жена генерала. Позже, в Чите, в госпитале, где он лежал раненый, познакомился с сестрой милосердия. Они полюбили друг друга и женились, не оформляя брака до мирного времени. В 1923 году переехали в Америку, где надеялись найти покой. Никогда, конечно, и не думали, что их счастливая семейная жизнь будет квалифицирована как ... "аморальное поведение".

"Базой" второго обвинения в "бандитизме", обвинения, ставившего целью опорочить и самого генерала и все Белое Движение, послужил следующий эпизод. Артиллерист по образованию, генерал Богомолец занимал в Белой Армии на дальнем Востоке пост начальника дивизиона бронепоездов. Однажды, inspectируя железнодорожные пути, он стал свидетелем столкновения между американцами из Американского Экспедиционного корпуса на Дальнем Востоке и белыми русскими, — столкновения, спровоцированного большевизмом агентом. На запасных путях стояли рядом два эшелона: эшелон американцев и эшелон наших. Как выяснилось позже, в ходе расследования инцидента, советский агент обстрелял из засады американский поезд. Не зная, кто стреляет, американцы открыли огонь по эшелону белых. Белые ответили огнем. В результате и на той, и на другой стороне были убиты, и ранены. Инцидент был расследован представителями обеих сторон и отнесен к непредвиденным случаям, неизбежным в суровых условиях Гражданской войны.

Прошло много лет — и вот генерал Богомолец получает обвинительный акт.

В Американском Экспедиционном корпусе мало кто говорил по-русски. Зато были в корпусе "эксперты" и "лингвисты", как называли на военном жаргоне переводчиков. Это были эмигранты из России, приехавшие в Америку еще до Первой Мировой войны, в подавляющем большинстве люди левых взглядов, сочувствовавшие большевикам, а никак не белым.

В выступлениях на суде этих "экспертов" и "лингвистов" борьба участников Белого Движения против интернационального большевизма была охарактеризована как "преступные бандитские операции". "Эксперты" и "лингвисты" требовали изгнания из США всех участников Белого Движения.

Процесс генерала Богомольца в суде в Лос Анжелесе длился три с половиной месяца. Защищавшие его адвокаты (к чести их!) отказались от гонора.

Несмотря на то, что адвокаты умно и с энтузиазмом вели защиту, суд вынес приговор: лишить гене-

рала Богомольца американского гражданства и передать вопрос о его депортации в Ведомство иммиграции и натурализации в Вашингтоне.

Это был не суд, а расправа... Такими же — как раз в то же время! — были суды в Москве.

После долгих усилий адвокатам удалось все-таки предотвратить депортацию и сохранить за ним право жительства в США.

В статье "Дело генерала Богомольца", опубликованной в "Русской жизни" за 19 марта 1982 года, Петр Балакшин писал, что дело это можно рассматривать "как прецедент к делу В. Д. Соколова-Самарина", в котором, как и в деле генерала Богомольца, "разжигается враждебная обстановка, готовятся сомнительные свидетельства, сплачиваются силы коммунистических приспешников и попутчиков".

Надо только сделать одну оговорку: генералу Богомольцу "пришивали" бандитизм, мне только публицистическую деятельность.

В потоке слов моего обвинительного акта, окружающих суть дела, суть обвинения, можно было увидеть еще нечто о "движениях, враждебных США". О каких именно "движениях" шла речь, не уточнялось. Во время Второй Мировой войны шло становление Русского освободительного движения, как силы независимой, как силы антибольшевицкой, ставящей целью освобождение и построение свободной и ни от кого независимой России.

В этом Движении я принимал посильное участие — пером своим. Несмотря на запрет немецкого цензора писать об Освободительном движении, мне удалось дать в последний номер "Речи" большую статью о Движении. Писал я в "Воле народа", независимом нашем печатном органе. Тоже в последнем номере ее, вышедшем в те дни, когда в Берлине уже началась паника, моя передовая статья, занимавшая почти всю первую страницу "Народ в борьбе". О борьбе народа нашего против большевизма, — борьбе, начавшейся сразу после захвата власти большевиками и не прекращавшейся все годы большевицкого, коммунистического режима.

Зная о показательном процессе в Лос Анжелесе в 1937 году, я имел все основания опасаться, что на моем процессе тоже будут лить грязь на наше Освободительное движение, на всех русских антикоммунистов.

Готовились к этому и мои адвокаты. За четыре года, прошедших после получения мною обвинительного акта, мой адвокат Брайен Гилдей прочитал чуть ли не десятку книг, авторы которых дали беспристрастную оценку нашего Движения, как фактора независимого.

Это книги немцев-антигитлеровцев: Вильфреда Штрик-Штрикфельда, Юргена Торнвальда, Свена Стеенберга и других. Чтобы лично встретиться со Свенном Стеенбергом, адвокат летал в Германию.

Эти книги беспристрастных американских историков и публицистов: Юлиуса Эпштейна, Юджина Лайнса, Александра Далина и других.

На процесс, в качестве свидетеля защиты, дал согласие прилететь из Мюнхена полковник К. Г. Кромпади (земной поклон ему!), бывший начальник канцелярии генерала А. А. Власова.

Но его — и других свидетелей, с которыми была уже договоренность — приезд не потребовался: Русское освободительное движение осталось вне поля внимания обвинителей. Их яростным атакам подвергалась скромнейшая, малого формата, с незначительным тиражом, — орлов-

ская "Речь".

С нее начали и ею закончили... Это, однако, не значит, что вслед за мной не будут уже никого притягивать к ответственности. Отдел спецрасследований — это десятки людей, получающих солидные оклады, и они должны показывать, что работают, действуют, ищут и находят "пособников нацистов", в поте лица отрабатывают получаемые доллары...

Яростным нападкам трех прокуроров (м-ры Линч, Голдберг, Ейнхорн) подвергся я, как автор, корректор и заместитель редактора, выполнявший строгие распоряжения немецкого цензора.

Демонстрировались только 12 статей за моей подписью, хотя с августа 1942 года по июль 1943 года я написал десятки статей и очерков, среди них очерки по истории моего родного города, статьи на литературные темы. Выбрали искалеченные цензурой.

3.

Чтобы полнее осветить показательный процесс, нужно было бы написать книгу. На это времени сейчас нет. Сейчас постараюсь осветить, по мере возможности, общую атмосферу суда. Нервное напряжение на суде усугублялось еще и тем, что за два-три дня до суда адвокату Брайану Гилдею позвонили из ответственного учреждения и предупредили: на меня и на мой дом могут быть нападения, то есть могут быть террористические акты. Начальник полиции Милфорда получил приказ организовать охрану нашего дома. Известие об охране мы с женой приняли с благодарностью.

Что же касается самой опасности, то еще в 1982 году я сказал себе и моей дорогой жене-героине: "Мы не имеем морального права их бояться". Знаю еще, что все в руках Божиих. На помощь Господню и уповаем.

Как и на процессе генерала Богомольца, на моем процессе выступали "эксперты", именуемые свидетелями обвинения. Вот они: Херстин, Эпстин, Софар, Хейман, Кохэн Томасо. Первый — историк. Среди остальных бывшие инспекторы УННРА и ИРО.

Их целью было доказать, что такого "пособника", как я, не впустили бы в США, если бы впускавшие не потеряли бдительности.

С моей стороны выступал бывший видный работник тех же УННРА и ИРО м-р К. Смит, прилетевший из Аризоны. Он, на основании фактов и соответствующих документов, опровергал утверждения "экспертов" обвинения. Вслед за м-ром Смитом выступила — в качестве моего свидетеля — профессор Питтсбургского университета Л. Г. Келер, бывшая переводчица УННРА и ИРО. Она подтвердила свидетельства м-ра Смита.

В качестве моих свидетелей выступали еще бывшие коллеги по Йельскому университету: профессор А. Шенкер, долготелый глава Славянского отдела, принимавший меня в университет в 1959 году в качестве преподавателя русского языка (последние годы перед отставкой моей звание было: старший лектор), профессор Чарльз Мозер Карл Хилле, мой бывший студент, а позже коллега, ныне сотрудник Американской делегации в ООН.

Адвокатам мною был представлен список свидетелей — около двадцати человек. Ограничиться должны были пятью, так как прокуроры ограничили число своих свидетелей.

Теперь только два эпизода из многих. Заявление мое и так не короткое.

Один эпизод из опроса м-ра Херстина моим адвокатом. В числе прочего адвокат спросил историка, каково было число жертв сталинского террора между 1937 и 1941 годами. Историк замялся, но тут же нашелся, сказал, что он прочитал две книги: книгу Роберта Конквеста "Большой террор" и еще какую-то книгу, автора которой не помнит. "Цифры не сходятся", — не дрогнув бровью, сказал историк, подвргнув, таким образом, сомнению чудовищные цифры потерь России в годы сталинщины.

Еще один эпизод, связанный с моим допросом. В числе вопросов прокуроров был вопрос об угрозе порабощения России гитлеровским режимом.

Я ответил так: "Мы, антибольшевики, не боялись этой угрозы. Россию поработить нельзя. Россия — это 21 миллион квадратных километров. Если по одному солдату-оккупанту поставить на квадратный километр, нужна армия в 21 миллион человек. У кого есть такая армия? У Гитлера такой армии не было".

Признаюсь: только первая и последняя фразы мои. Остальное — не мое. Остальное я слышал в 1944 году — и запомнил на всю жизнь.

Эти крылатые слова были сказаны на многолюдном собрании русских антибольшевиков под Берлином, в конце 1944 года, — человеком умным и смелым.

Он начал говорить еще что-то о "недоучившемся еврейторе", но договорить ему не дали: его голос заглушил гром аплодисментов.

Чтобы дать возможность читателям моего Заявления для печати почувствовать атмосферу, царившую на суде надо мною, сообщаю, что на каждом заседании, "от звонка до звонка", сидел атташе советского посольства в Вашингтоне А. Б. Бугаев. В перерывах на обед он был в обществе прокуроров. Жил в том же отеле города Уотерберри, где жили они. Дня за четыре до конца процесса его сменил похожий на него человек, с той же военной выправкой, не снимавший черных очков.

Коллаборация Отдела спецрасследований с КГБ проводится уже ряд лет.

Проводится коллаборация интенсивно, хотя и не афишируется. Все делается шито-крыто.

Так о контактах тогдашнего директора Отдела спецрасследований с КГБ стало известно еще в 1981 году из статьи некоего Давида Шкибмана "Охотник за нацистами", помещенной в локальном, с малым тиражом, журнале Дартмутского колледжа, где мистер Райен когда-то учился, — "Дартмутмагэзин" (Alumni Magazine "Dartmouth", Jan.-Febr. 1981).

В этой статье сообщается:

"В прошлом году Райен лично посетил СССР, где встретился с Генеральным прокурором Романом Руденко, бывшим советским обвинителем на Нюрнбергском процессе, занимающим виднейшее место в русской юридической системе".

"В СССР со мной добросовестно сотрудничали, — говорит Райен, — и передали мне данные, заслужившие полного доверия".

Как известно, никакой "русской юридической системы" не существует.

Существует советская террористическая карательная система, в которой генерал КГБ Руденко действительно занимает виднейшее место, залитое человеческой кровью!

В 1982 году, в советском журнале "Жовтень", выходящем на Украине, в номере за октябрь 1982 года помещена статья прокурора Львов-

ского района В. Антоненко под названием "Тише, эмигранты!", в которой описывается пребывание в СССР группы представителей все того же Отдела спецрасследований во главе с тогдашним помощником директора этого Отдела Н. Шером (ныне Н. Шер — директор Отдела спецрасследований).

Шер возглавлял группу прокуроров и следователей упомянутого отдела в следующем составе: Г. Рапопорт, Б. Фельдбаум, К. Фельдман, Н. Москович, К. Кольман, Р. Смит.

В статье своей В. Антоненко пишет:

"С этой группой прокуроров мы работали в полном контакте, без каких-либо недоразумений. Все было сделано в полном согласии. Они с благодарностью покинули нашу страну".

С благодарностью за полные портфели фальшивок, сфабрикованных в КГБ?

Зная обо всем этом, я нисколько не удивился, увидев в первый же день процесса атташе Советского посольства в Вашингтоне А. Б. Бугаева, а потом человека в черных очках.

Интересно было наблюдать за ним, когда в предпоследний и последний день процесса у меня появилась возможность сказать, что я думаю о коммунизме, единоутробном брате национал-социализма, что об этих режимах думает наш народ, какие жертвы понес он за 60 лет.

В судах такого рода нет присяжных, о чем я не раз пожалел.

В судах такого рода нет последнего слова подсудимого: не положено.

Это слово (даю его ниже) было передано, в переводе на английский язык, журналистам.

МОЕ СЛОВО

Меня судят за то, что я писал сорок лет назад.

Меня судят за то, что я писал не в Америке, где живу уже тридцать четыре года, а совсем в другой стране, на моей родине.

Меня судят за то, что я писал против евреев, в то время, как я писал против евреев-коммунистов.

Как я отношусь к евреям-антикоммунистам, могут засвидетельствовать сами евреи, мои друзья.

Меня судят за то, что я якобы коллаборировал с гитлеровским режимом. С гитлеровским режимом я не коллаборировал. Этот режим был враждебен мне и всем русским людям, как и режим большевицкий, коммунистический.

Я был участником Русского освободительного движения, которое существовало в глубоком подполье еще до прихода немцев, и немцы использовали Русское освободительное движение, возглавляемое во время войны генералом-антикоммунистом Власовым, а Русское освободительное движение использовало немцев в целях борьбы против большевизма. Для борьбы против большевизма нужно было оружие, и оно было получено на договорных началах.

Задачей Русского освободительного движения было освобождение России от большевиков и построение свободной, независимой России. Свободная и ни от кого независимая Россия — вот что было всегда мечтой моей жизни.

Гитлеровский режим угрожал Америке сорок лет назад. Теперь этого режима нет. Он давно исчез. Он сметен с лица земли.

Теперь Америке угрожает совсем другой режим, вооруженный до зубов, смертельный враг ее — ком.

мунизм, утвердившийся, вопреки воле народа, на моей родине — в России.

Коммунизм и мой смертельный враг, и против этого врага я боролся словом правды всю свою сознательную жизнь. Я писал против коммунистов и только против коммунистов, какой бы национальности они ни были. Писал и продолжаю писать.

В 1943 году мое слово не было свободным, так как я должен был подчиняться строгим требованиям немецкой цензуры.

Повторяю: коммунизм — смертельный враг Америки, и вот с этим врагом коллаборируют те, кто возбуждали против меня дело, кто обвиняет меня, и я вправе спросить, почему не привлекаются к ответственности те, кто коллаборируют с коммунистическим режимом в России, олицетворяемым КГБ?

Ведь это КГБ атаковал меня в 1976 году, ведь это из КГБ получены все "материалы", которыми пользуется Отдел спецрасследований Министрства юстиции США.

В частности демонстрировалась какая-то "клятва" Гитлеру, якобы мною подписанная. Вот в газете "Нью Хейвен реджистер" за 9 июля 1982 года сообщалось, что в КГБ подделали подпись президента Рейгана под фальшивкой, которая распространялась в свободном мире по каналам КГБ.

Так вот, если в КГБ подделали подпись президента США, то почему не могли подделать мою подпись?

Моя родина, Россия, в плену у коммунизма, однако я твердо верю, что коммунистический режим будет народом сброшен, и Россия станет свободной. Но моя жизнь подходит к концу, и я вряд ли увижу свою родину свободной. Я бесконечно благодарен Америке, давшей мне убежище, и здесь, на американской земле, я хотел бы умереть.

За десять лет, которые прошли с тех пор, как неприятели из КГБ начали против меня травлю, мне и моей старей и больной жене пришлось пережить столько, сколько мы не переживали за всю нашу жизнь, хотя немало было в жизни нашей тяжелого. Надломилось и ее, и мое здоровье.

Не достаточно ли этого, чтобы мы обрели, наконец, в конце нашей жизни покой, хотя бы относительный покой? Должна же быть справедливость в великой стране, принадлежащей великому народу!

5.

На суде не было речи адвоката: не положено. Зато он выступал не раз, задавая вопросы "экспертам" обвинения. Немало вопросов задавал мне — после потока вопросов прокуроров. На вопросы адвоката отвечать можно было не короткими "да", "нет", чего требует процедура суда, а развернуто, особенно в тех случаях, когда вопросы касались жизни нашего народа, отношения народа к коммунизму и т. д. Не вынесен на суде и приговор. Приговор вынесет судья после того, как будет получен от обвинителей и адвокатов так называемый "бриф", то есть объяснительные записки — на многих страницах. На это дается два месяца. После этого и будет вынесен приговор. Когда это будет, неизвестно. Каков будет приговор, тоже неизвестно.

В заключение только несколько слов. Что бы ни ждало меня впереди, что бы ни пришлось пережить еще мне и моей бедной, моей дорогой жене, надо положиться на волю Господню. Только на Него наше упование.

Мы помним и знаем: Бог сильнее дьявола и его подручных!

В. Д. СОКОЛОВ-САМАРИН

БИБЛИОГРАФИЯ

П. Вайль и А. Генис. "Потерянный рай" (Иерусалим, 1983).

Вроде бы книга о подсоветской интеллигенции... Но нет: об образованных, которые с подлинной российской интеллигенцией ничего, — или почти ничего, — общего не имеют. О русских? Опять же нет; авторы настойчиво уточняют, что говорят исключительно об евреях: "Мы были чужие, — уже хотя бы потому что евреи" (это — в России); "В основном, сюда приехали степенные и немолодые евреи (это — в Америку). Об эмигрантах? — Не совсем: специально об эмигрантах из 3-ей волны в Соединенных Штатах, каковые решительно и радикально отпикиваются ото всякой политической эмиграции вообще, и от русской доновой в частности.

Подтвердим наши слова цитатами. Вот что авторы пишут о своих персонажах: "Все сословные предубеждения прошлого давно исчезли. Принципиальность, порядочность, жертвенность, чувство ответственности, ощущение вины — весь этот комплекс дореволюционного интеллигента стал малопонятным пережитком... Минимум профессиональных знаний и диплом вуза с успехом заменили дорогостоящие украшения. Но гордое имя российского интеллигента все же осталось". Только имя, увьи!

Может быть, данные фразы вырвались у Вейля и Гениса в порядке самобичевания? Тоже нет: в этом нас убеждают их описания ценности вещей, материальных предметов, в быту рисуемого ими класса в СССР. Настоящая-то интеллигенция, мы знаем, там тоже есть; но книга, — не про нее.

Немудрено, если подобным людям нечего делать со своим досугом, как в Советском Союзе, так и в Америке. Главным образом, они его расходуют на пьянство. Чтение почти не упоминается; оно, явно, играет незначительную роль. Когда они жалуются на непонятность американской речи, — радио, телевизора и т. д., мы думаем сперва, что дело в фонетике. Ан нет! Оказывается, герои не в силах, — и даже не пытаются, — прочесть по-английски ни Пиквика, ни "Алисы в стране чудес".

О нашей, доновой эмиграции (что, понятно, и к части новейшей применимо) авторы с презрением повторяют хорошо нам знакомый набор сентенций: мол западные политические деятели лучше нас знают, что надо делать, и мы мол неудачники, которые никого ничему учить не могут и не смеют. Очень мило; да вот... неудачи западной политики чересчур уж очевидны! Прав ведь Солженицын: отдают страну за страной, а скоро и нечего будет. А наши советы часто через год другой оказываются правильными, — когда уже поздно. Винить же нас за неудачи, так кого нас? Первую эмиграцию, — так она училась на горьких ошибках; вторую, — так у нее и шанса не было что-либо исправить. Ну а знать-то мы

по опыту кое-что знаем.

Но о чем спорить? Мы — политические эмигранты; мы ассимилироваться не стремимся и не собираемся, и живем интересами России и борьбы с коммунизмом. У г-д Вайля, Гениса и ко. намерения иные, — что ж, дай им Бог успеха! Правда, Богато они не признают; ни христианского, ни еврейского. Их дело, конечно.

Насчет того, что мы осуждаем (да, и твердо!) возвращающихся в СССР, опять же, тут разница в точке зрения. Для нас это — измена (или уж — величайшая глупость). А если считать за благо свободную циркуляцию туда и обратно, так это — нормальное явление.

Что среди 3-ей волны есть порядочные, морально здоровые люди, ясно видно из следующего эпизода: "В одной компании мы разговорились с милым парнем... Разговор зашел о книге Лимонова, и наш собеседник как-то внезапно потерял человеческий облик: "Единственное министерство, которое я хотел бы возглавить — это министерство по уничтожению Лимонова". Вайль и Генис хихикают. Но мы вполне разделяем чувство негодования беседовавшего с ними молодого человека; оно — того же порядка, какое побудило Христа прогнать бичем торговцев из храма. В этом порыве сказался как раз облик вполне человеческого, и даже с отсветом божественного. Только не всякому дано такие ощущения понимать...

Не удивительно, что ужас охватывает порою и других; как например знакомую авторам ленинградку, когда ее 14-летняя дочь с нею поделилась: "Представляешь, мама, Джинни сказала, что признает только орал секс".

Отмечая чудовищный, уродливый жаргон, каким изъясняются между собой новоиспеченные эмигранты ("Возьмешь бас файв"), Вайль и Генис восклицают: "Наверное, это удел всех волн эмиграции". Да нет: во всех волнах, это — удел наименее культурных людей; более культурные-то, те язык сохраняют, и даже детям передают; по крайней мере, если они патриотически настроены (а вот этого 3-ей волне тоже остро не хватает...).

С гордостью, вряд ли уместной, авторы резюмируют: "В конечном счете, мы ехали за чем-то, а не от чего-то. Чем, собственно, и отличаются эмигранты от беженцев. Беженцы бегут, как вьетнамцы и кубинцы, а мы едем..."

Тут разница чуть-чуть сложнее: между политическими эмигрантами (как мы все; и как презираемые сочинителями "Потерянного рая" вьетнамцы и кубинцы), и обывателями, ищущими житейских благ, по принципу ubi bene, ibi patria. Но разница заключена не в бумагах и формальностях, а в наличии или отсутствии убеждений, внутреннего духовного мира. Вот Вайль и Генис сих вещей полностью лишены. А иные из новейших их имеют, — и потому вполне могут в дальнейшем сблизиться с нами.

Владимир Рудинский

Политический Калейдоскоп

В "Политическом калейдоскопе" от 4 января с. г. (№ 1849) были процитированы слова А. Авторханова о "выключении советской армии из "треугольника" власти, после ... 20 лет". Как известно, в свое время Авторханов выдвинул гипотезу, что советский режим основывается на "треугольнике", образованном из компартии, КГБ и советской армии. Теперь, после перемены в недрах советской власти при новом генсеке Горбачеве, согласно Авторханову, этот треугольник сломался, так как из него была "выключена армия". В "Нашей Стране" тоже неоднократно отмечались "перемены в соотношениях сил между партией и армией" ("Что происходит в Кремле?", № 1826, от 27 июля 1985 г.), и даже приводилось "мнение иных обозревателей, что эти изменения связаны с закатом звезды Григория Романова". (Там же). (До Горбачева ходили слухи, что у Романова были хорошие отношения с военными).

Затем, в том же отделе, в № 1835, от 28 сентября 1985 г., было высказано мнение, что "несомненно, с уходом Устинова, Огаркова и Епишева политическое влияние армии на партию сведено к минимуму". Эти изменения, согласно автору заметки, связаны "не с закатом звезды Григория Романова, а с падением Огаркова: чистка в военном руководстве продолжается". Как бы то ни было, несомненно внутри советского режима происходят какие-то процессы, которые пока что внешне проявляются в переменах не только на верхах самого режима, т. е. в политбюро, но и на верхах советской армии (но не на верхах КГБ).

Конечно, сама суть режима от этого не меняется, а меняется лишь то равновесие внутренних сил, на котором покоится этот режим. Были периоды в истории советской власти, когда соотношение сил в режиме было иным, и даже никакого "треугольника" вообще не было. Так что не изменения сами по себе важны в первую очередь, а те тенденции, которые они вскрывают. В ноябрьском номере швейцарского журнала "Л'Импакт", приводятся интересные данные, которые могут немного помочь осветить этот вопрос. Например, отмечается, что Александр Яковлев, бывший директор Института всемирной экономики и международных сношений выступает против "неонационализма", который ущемляет "мульти-национализм". Текущий директор этого Института, Юрий Рубинский, согласно автору этой статьи, является противником не только внешнего буржуазного мира, но и русского национализма.

Вообще, согласно этому автору (Пьер де Вильмар), сейчас в СССР к власти пришли ультра-марксисты.

Есть и другие приметы, куда дует ветер. Например, в статье Алексея Аджубея в "Советской России" от 27 сентября 1985 г. этот родственник Хрущева, после двадцатилетнего вынужденного молчания, в большой статье о положении в СССР ровно 50 лет тому назад, процитировал также и Горбачева, когда последний восхвалит зародившееся при Сталине стахановское движение. Как "не только социальное, но и нравственное явление, раскрывшее духовную красоту человека нового общества".

П. Н.

7-го января с. г. после продолжительной болезни скончалась

АННА ФИЛИПОВНА ТИТОВА
урожденная ЕРГОВИЧ

о чем с прискорбием извещают дочери, зятья и внуки покойной.

Языковые Уродства

ПСЕВДОСУФФИКСЫ

Таковые распространяются сейчас в западноевропейских языках, а отчасти и в русском. Типичный пример: *-бус*. Источником послужило латинское слово *omnibus*, дателный тадеж множественного числа от *omnis* "весь". *Омнибус* стало сперва означать карету или вагон "для всех", "всеобщего пользования". Затем создалось название *автобус*, уже не имеющее смысла по-латыни, но прилаемое к автомобилю для перевозки публики. А из него уже развились термины как *троллейбус*, *аэробус* и *минибус*; и дошло до того, что говорят просто *бус*.

Другой случай того же типа — эволюция слова *гамбургер*, сначала означавшего "гамбургский бутерброд", "бутерброд по-гамбургски". По его образцу создались *фишбургер* "бутерброд с рыбой", *чизбургер* "бутерброд с сыром" и даже *френчбургер* "бутерброд с мясом и зеленью", которые циркулируют не только в англоязычных странах, но уже, например, и во Франции. Правда, слова *бургер* я еще нигде не слышал.

Еще более курьезное явление произошло вокруг имени легендарного вампира графа Дракулы (самое имя это имеет довольно сложную и длинную историю). На базе многочисленных фильмов об его злодеяниях, появился сначала американский фильм "Блакула", где фигурирует черный вампир, вампир-негр, а потом французский "Спермула" с вампирессой (или, если угодно, *вампирицей*), поглощающей половую энергию мужчин, доводя их тем до гибели. Очевидно, в сознании постановщиков и зрителей окончание *-ла* воспринимается как указывающее само по себе на упыря; хотя ни в одном языке земного шара оно такого значения и не имеет!

Аркадий Рахманов

К 1000-летию крещения Руси

Вышла из печати и поступила в продажу исключительно денная книга "Толковая Псалтирь" Евфимия Зигабена.

Надо сказать, что Псалтирь, будучи самым возвышенным молитвенным воздыханием, которое когда бы то ни было написано, участвует во всех православных богослужениях, и тем не менее остается больше чем на половину всего своего текста непонятным, не только большинству мирян, но даже очень многим клирикам. Это происходит от того, что в Псалтире, помимо приведенных исторических моментов, взятых из Ветхого и Нового Заветов, есть много пророчеств о Спасителе, его крестных страданиях, о Втором Пришествии, а также содержит в себе некоторые догматические учения и описаны возвышеннейшие молитвенные состояния, когда молитва переходит в созерцание. Псалтирь, таким образом, является всеобъемлющим духовным сокровищем. И не удивительно, что в эпоху оскудения на Руси школьного богословского образования для кандидата в священники требовалось только знание всей Псалтири наизусть.

Праведный Евфимий Зигабен с помощью Божией толкует все 150 псалмов, опираясь на всю святоотеческую литературу.

Книга имеет 1168 страниц крупного шрифта в твердом переплете. Цена 40 ам. долларов плюс почтовые расходы. Выписать можно от издательства преп. Иова Почаевского:

MONASTERY PRESS

8011 Champagne Ave., MONTREAL QUE, H3N 2K4, Canada

Трибуна Читателя

КРАЕВА И ЛЮДОВА

В одном из писем М. Шатова есть слова: "Армия Краева формировалась советами". Это совершеннейший абсурд. Советами формировалась не АК, а АЛ, то есть армия Людова. Видимо Шатов плохо разобрался в том, что писал. Я был в Варшаве в это время и мои товарищи по гимназии были связаны и с той и с другой. Полковник Януш Бокшанин предупредил о предстоящем восстании и Сергей Львович Войцеховский, надо думать, тоже знал о нем. Потому и вывез два больших эшелона русских из Варшавы в Словакию (в том числе был я с семьей). Зная польский язык, прикидываясь поляком, я ездил в такие места, как городок Ожаров, станция Ясице, Якубовице, где ночевал в од-

них отелях (скорей харчевнях!) с пришедшими "з лясу" участниками АК, которые, если бы знали, что я русский, не оставили бы меня в живых. С ними обедал за одним столом и привозил в Варшаву продукты из этих углов, чем и поддерживал семью (в Варшаве было голодно) и посылал Ивану Лукьяновичу посылки с черносливом, луком и даже (под видом постного масла) спиртом в запаянных баночках, с копченым салом, которое в Ожарове было по 30-40 марок, а в Варшаве недоступно — по 200-300. Но не все решались туда ехать. Словом Шатов смешал два понятия в одно: АК и АЛ.

АК — польское национальное движение, возглавляющееся генералом Бор-Комаровским. АЛ — созда-

и привело к снижению показателя годовой инфляции к 385,4 %.

Переломным пунктом в этом развитии явился так называемый "Австралийский план", вошедший в силу с середины июня 1985 года. В основном этот план, как известно, заключается в замораживании всех цен, жалований и курсов валюты, при одновременном прекращении выпуска правительством бумажных денег для покрытия своего бюджетного дефицита. Оставляя в стороне анализ этого плана и его перспектив на будущее, безынтересно отметить некоторые другие показатели инфляции в Аргентине в 1985 году. Для этого мы выбрали, помимо розничных цен, десять других показателей, в следующем порядке:

1976	—	347,6 %
1977	—	160,4 %
1978	—	169,8 %
1979	—	139,7 %
1980	—	87,6 %
1981	—	131,3 %
1982	—	209,7 %
1983	—	433,7 %
1984	—	688,0 %
1985	—	385,4 %

При этом необходимо иметь в виду, что инфляция в 385,4 % в прошлом году является средней цифрой, обобщающей совершенно разные результаты двух полугодий. Как выше было указано, инфляция на 30 июня 1985 года достигла 1.128,9 % за предыдущие 12 месяцев. За первое полугодие 1985 года (январь-июнь) инфляция достигла 303,9 %. Если бы во втором полугодии повторилась та же самая цифра инфляции, то за весь 1985 год аккумуляровалась бы инфляция в 1.531,4 %. Однако, во второй половине 1985 года инфляция резко упала на всего 20,2 % за все полугодие (что равняется 44,5 % в год). Это

1. Акции (частные) на бирже: 646,6 %
2. Количество денег в обороте: 532,7 %
3. Новые автомобили: 531,6 %
4. Новые квартиры: 420,5 %
5. Розничные цены: 385,4 %
6. Оптовые цены: 363,9 %
7. Официальный курс доллара: 348,0 %
8. Свободный курс доллара: 327,2 %
9. Строительные цены: 279,8 %
10. Оптовые цены на мясо: 245,1 %
11. Оптовые цены на зерно: 237,9 %

Наиболее низкое повышение цен в области сельскохозяйственных продуктов можно объяснить низкими ценами на зерно и

ваемая через подпольные пути советами из поляков-большевиков подпольное движение, чуть ли не враждебное национальному АК. Варшавское восстание подняла АК, а АЛ стояла в стороне и только содействовала советам агитацией и пропагандой. АК защищала Варшаву и хотела выбить немцев, ожидая помощи подошедшей со стороны Праги советской армии, но которая, спровоцировав восстание через членов АЛ, ни одним выстрелом не помогла, истекающей кровью АК.

Лев Рубанов (Бразилия)

О ПРОВОКАЦИИ

Иные "общественные деятели" эмиграции очевидно думают, что борьба против коммунизма заключается в клевете и интригах направленных против антикоммунистических деятелей Зарубежья. Здесь невольно сразу же появляется вопрос: не думают ли так же на Лубянке? Вовсе не являясь сторонником того, чтобы в каждом третьем человеке видеть агента Москвы, я, однако, считаю абсолютным фактом наличие среди нас толковых, умеющих хорошо действовать провокаторов, которые — сами оставаясь в тени, ловят подходящих для обработки людей и разными способами действуют через них, преследуя нужную им цель — развалить, внести смуту в еще живые эмигрантские организации.

Константин Нефедин (Германия)

Над всероссийской державой,

По воле Бога, много лет,

Шумя, парил орел двуглавый,

Носитель мощи и побед.

П. САДОВСКИЙ

В АРГЕНТИНЕ

ИНФЛЯЦИЯ В 1985 ГОДУ

Согласно информации Национального института статистики и переписи, инфляция розничных цен в месяце декабре 1985 года в Аргентине достигла 3,2 %. За весь 1985 год инфляция розничных цен достигла 385,4 %.

За последних пять лет, это первый раз что годовая инфляция снижается, по сравнению с предыдущим годом.

Аргентина страдает от хронической инфляции в течение последних 40 лет, за редкими исключениями. Самый продолжительный перерыв в аргентинской хронической инфляции был во времена правительства генерала Оггани, когда в течение трех лет подряд (1968-1970) годовая инфляция не превышала 10 % в год, при одновременном росте национального дохода. Максимальная годовая инфляция за этих сорок лет была достигнута в июне прошлого года, когда она равнялась 1.128,9 % за предыдущие 12 месяцев. До этого, максимум был достигнут в конце перонистического правительства в начале 1976 года, но этот максимум тогда не дошел до 900 % в год. Затем, в течение четырех лет (1977-1980), во времена министра Мартинес де Ос, инфляция постепенно

на мясо на международных рынках ввиду избытка этих продуктов в США и в Западной Европе. Строительные цены, в свою очередь, отстают от средней инфляции из-за полного застоя в этой области, в связи с сокращением публичных капиталовложений и нерешительности в принятии решений для капиталовложений в частном секторе. Оба курса доллара (официальный и на черном рынке, то есть фактически свободный) повысились меньше чем розничные и оптовые цены, ввиду увеличившегося доверия в более или менее нормальное финансовое развитие после начала Австралийского плана и ввиду больших реальных процентов на вклады в аргентинской монете.

В связи с курсом доллара необходимо иметь в виду, что официальный курс в 0,80 австралий за один доллар в действительности завышен приблизительно на 23 % по отношению к теоретическому паритету доллара, который в конце декабря являлся приблизительно 0,65 австралий. Это соответствует приблизительно реальному курсу за экспорт пшеницы (0,68) и мяса (0,67), которые получают за экспорт этих продуктов их производители, после вычета государственных удержаний. Реальные курсы за экспорт других сельскохозяйственных продуктов еще ниже (кукуруза — 0,57, соя — 0,54).

Б. П.

"НАША СТРАНА". Русская монархическая еженедельная газета. Основана 18 сентября 1948 И. Л. Солоневичем. Издатель: Михаил Киреев. Редактирует: Ред. Коллегия. Адрес: М. Kireeff, Monroe 3578 — 11, 1430 Buenos Aires. Номер телефона М. Киреева: 89-0862. Статья подписанные фамилией или инициалами не обязательно всегда выражают мнение редакции. Рукописи не возвращаются.

Цены за экземпляр газеты: Австралия - 0,80 ав. дол.; Германия - 1,80 н. м.; Франция - 5 фр.; Италия - 1100 лир; США - 0,80 ам. дол.; Аргентина - \$ 0,20. В остальных странах - 0,80 ам. дол. Цена объявлений: за 1 см. в 1 колонку - стоимость 4 экземпляров газеты в соответствующей валюте. Чеки и "моней ордер" выписывать на имя Miguel Kireeff с местом уплаты в США или Европе.

"NASHA STRANA" — "NUESTRO PAIS". Semanario monarquico ruso. Fundado el 18 de septiembre de 1948. Registro Nacional de Propiedad Intelectual No.: 949.917 Editor: M. Kireeff, Monroe 3578 — 11, 1430 Buenos Aires.

Correo ARGENTINO
Sucursal 30 (B)

Franqueo pagado. Conces.No. 4233
Interes general. Conces.No. 3980